

12. Щеглов, И. Народ и театр. Очерки и исследования современного народного театра / И. Щеглов.— СПб., 1911.

13. Щеглов, И. Самый богатый народный театр в России (Два дня в Казани) / И. Щеглов // Петербургский дневник театра.— 1904.

А. А. Дякина

Елец, Елецкий государственный университет
имени И. А. Бунина

**Публицистический опыт Ивана Бунина
в современных процессах национальной самоидентификации
и диалога культур**

Публицистика — яркая и самобытная страница творческой биографии Ивана Бунина. Исследователи и читательская аудитория открыли ее только в конце 1980-х годов прошлого столетия в связи с феноменом «белой» эмиграции. В поле научных интересов филологов, историков, культурологов оказались те произведения Бунина, которые связаны с его осмыслением Октябрьской революции, Гражданской войны, оценками деятельности вождей и идеологов пролетариата. В атмосфере перестроенной «переоценки ценностей» привлекала позиция писателя, диаметрально противоположная той, что долгие 70 лет культивировалась в советской стране. Вместе с тем широкий пласт публицистического творчества Бунина, напрямую не связанный ни с идеологией, ни с политикой, оказывался мало востребованным исследовательской средой. Более того, произведения эмигрантского периода часто вырывались из общего творческого контекста в угоду возникшей конъюнктурности и преподносились в качестве сенсационного разоблачения прежних трактовок советской истории и культуры.

Серьезным подспорьем в определении системно-целостного подхода к изучению публицистического наследия Бунина стало появление однотомника «Публицистика И. А. Бунина 1918–1953 гг.» (М., 1998), снабженного взвешенным научным комментарием и предисловием ученых ИМЛИ (О. Н. Михайлова, С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой). В настоящее время эйфория «открытий» Бунина — сторонника «белого» движения прошла

и появилась возможность здравого видения всей совокупности проблем, поставленных в нехудожественных произведениях писателя, а также особенностей их воплощения в текстах.

Истоки зрелой публицистики Бунина следует искать в его произведениях отечественного периода. Именно в них определяется проблемное пространство будущих размышлений писателя, оттачивается его гражданская позиция.

Ранние работы Бунина, благоприятно встреченные критиками и соратниками по перу, больше касались вопросов эстетического характера. При этом понимание писателем красоты в искусстве не было отвлеченно-философским, оно опиралось на практическую потребность молодого автора прикоснуться к истокам мастерства, постичь сущность подлинного дарования. Оценивая значимость художника слова, Бунин выдвигает критерий сугубо духовного толка — крепкая связь со своей землей, с почвой, породившей талант. Чтобы понять поэта, почувствовать его «корни», «питательную среду», надо отправиться в его страну (так в свое время советовал Гёте, и Бунин апеллирует к великому предшественнику в статье «Е. А. Баратынский»). Бунин уверен, что художник, связанный с родной землей, — настоящий, подлинный, «свой». Творчество такого писателя прочно укоренено в традициях отечественной литературы, а значит наличествует основа, духовная платформа, определяющая ответственность художника за свой труд, за то, «как слово наше отзовется» (об этом статья «Недостатки современной поэзии»). Кроме того, как справедливо считает писатель, «изучение родной литературы может наилучшим образом способствовать пробуждению и укреплению национального самосознания» [1, с. 508]

Говоря о своих творческих традициях, в ряду «настоящих», кровно близких себе, Бунин называет Пушкина и Лермонтова («Думая о Пушкине», «Автобиографическая заметка») и призывает современных авторов учиться у них подлинности, истинной художественности; «усваивать русскую поэзию и воспитываться на ее образцах». Писатель сетует на то, что современные авторы «европейских классиков также не особенно изучают» [1, с. 493], а ведь в пушкинскую эпоху, к примеру, с малолетства знали французскую, немецкую, английскую литературы. Отметим, что подобные замечания были сделаны Буниным в 18-летнем возрасте. Уже тогда он прекрасно понимал, что «поэзия ...могущественный дви-

гатель цивилизации и нравственного совершенствования людей» [1, с. 490]. Пройдет немного времени, и писатель с сожалением будет констатировать победу в литературе 1910-х годов «новой поэзии», которая, как ему казалось, совершенно далека от жизни, отечественных традиций, и по своей природе является «неродной», заимствованной, не укорененной в национальной почве.

Выступая на юбилее газеты «Русские ведомости» (1913 г.), Бунин уже на правах академика (с 1910 г.) заявляет о том, что за последнее время «произошло невероятное обнищание и омертвление русской литературы» и виноваты в том, конечно же, ее современные создатели, усилиями которых «исчезли драгоценнейшие черты русской литературы: глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота,— и морем разлилась вульгарность и дурной тон»,— напыщенный и неизменно фальшивый» [1, с. 529]. Обвиняя современную словесность в падении, Бунин, как и прежде, прибегает к категориям не только эстетическим, но и в один ряд с ними ставит принципы аксиологические. «Совесть, чувство, такт, мера, ум» — вот, что исчезло из современной литературы, как утверждает писатель. А взамен утраченного, «за немногими исключениями, не создано никаких новых ценностей», «растет словесный блуд» [1, с. 529]. С особой тревогой Бунин отмечает нестабильность, духовную шаткость, царящие в современной словесности. Он констатирует: «Чего только не проделывали мы за последние годы с нашей литературой, чему только не подражали мы, чего только не имитировали, каких только стилей и эпох не брали, каким богам не поклонялись?...Мы пережили и декаданс, и символизм, и натурализм, и порнографию, и богоборчество, и мифотворчество, и какой-то мистический анархизм, и Диониса, и Аполлона, и “пролеты в вечность”, и садизм, и приятие мира, и неприятие мира, и адамизм, и акмеизм... Это ли не Вальпургиева ночь» [1, с. 530].

Бунин не только выступает свидетелем и пламенным критиком современного состояния литературы, но и тонким аналитиком, определяющим причины случившегося, в числе которых:

- общая расшатанность, неустойчивость общественной мысли;
- неорганизованность общественного мнения;
- подражательность Европе, большей частью жалкая, ученическая, доводимая до нелепости и нередко сводившаяся даже к плагиатам;

– низкие стремления выделиться оригинальничанием, а не оригинальностью, «на что имелся особо бойкий спрос со стороны нашей уродливо формирующейся буржуазии и всех праздных слов общества»;

– увлечение некоторыми писателями, неспособными разобратся в явлениях жизни, различными теориями, смешивающими движение вперед с чисто дикарским отрицанием заслуг всех своих предшественников, несовершенство научных методов с крахом науки, дерзновенные полеты мысли с дерзостью, рост и разновидность индивидуализма с развращенностью ([см. 1, с. 530–531]).

Таким образом, размышляя над проблемами современной литературы, Бунин выходит на более широкий уровень — уровень русской духовности и задолго до своей эмиграции четко определяется в отношении «своего» и «чужого». Что есть что? «Свое» — это традиционное, исконное, «коренное», «почвенное», связанное с родной землей. «Чужое» — не свое, не родное, пришлое, заимствованное (на уровне слепого подражания, плагиата), не органичное. Обратим внимание на то, что и «свое» и «чужое» отмечается в рамках одного явления — отечественной литературы. Современное ее состояние, по мнению Бунина, свидетельствует о победе «чужого», не русского. Заметим при этом, что писатель никогда не был шовинистом. Более того, его даже объявляли гражданином мира, вспоминая цикл очерков «Тень птицы» и многочисленные путешествия по Европе и странам Востока. Так называемый бунинский «космополитизм» — это не что иное, как ощущение путешественника, которое органично уживалось с осознанным патриотизмом. Постигание закономерностей мирового порядка, проникновение душой в культурные пласты разных стран, времен и народов позволяло писателю глубже сознать отечественные проблемы, не зачеркивало, а, напротив,— заостряло его любовь к «родным колыбелям». Один из современников писал: «Бунин путешествовал не только как чуткий поэт и тонкий наблюдатель, но и как мыслящий культурный человек» [4]. В каких бы странах ни бывал писатель, всюду он отмечал что-то необычное, свойственное тому или иному региону, народу, локально или всемирно значимое. На Востоке его притягивала необычайная древность, веками накопленная мудрость. В Европе — четкость и стройность окружающей нерукотворной красоты, которая осо-

бенно воспринимается в юности и остается потом в памяти на всю жизнь. Н. Пушешников, племянник писателя, вспоминал: «Иван Алексеевич стал говорить о том, что всегда, когда видит прекрасное, у него является ужасное сожаление, что он так убого и плохо прожил столько лет...Разве я так писал бы, если бы в юности жил иначе, если бы больше учился, больше работал над собой, если бы я родился не в Бутырках, а здесь (Нюрнберг), если бы у меня в молодости не было такой нужды» [8]. Как видим, культурную ауру, духовные ценности других стран Бунин воспринимал как «иное». Здесь он находил тайны и загадки, постижение которых позволило бы приблизиться к Божественному замыслу о судьбах отдельных народов и всего человечества. В «ином» писатель отмечает неповторимость обычаев, образа мыслей, ментальности, но в отношении ко всему этому нет неприятия. Более того, звучат нотки сожаления по поводу «позднего причастия» к этим духовным ценностям и благодарность за то, что оно в конечном итоге стало возможным. «Подобно Теофилу Готье Бунин страдал “готической болезнью”. Он говорил, сидя в трактире XV века, где подавалось пиво в кружках и кубках, из которых когда-то пили знаменитые уроженцы Нюрнберга — Дюрер, Г.Сакс, В. Фельдвейде,— что ему хотелось бы провести здесь зиму, он мог бы хорошо писать» [8]. Художник стремился понять, прикоснуться к «иному» для обогащения своего внутреннего мира. Тон повествования об «ином» спокойный, будто стилизованный под ситуацию, конкретную страну. В очерке «Геннисарет» читаем: «В Вифлееме чувствуешь, прозреваешь то драгоценное, первое, что сохранилось на его священном палимпсесте. В царские одеяния облекли рожденного здесь, царям, путеводимым звездой, повелели принести ему, лежащему в яслях, венцы свои, золото, ливан, смирну, и легендами, прекраснее которых нет на земле, расцветили сладчайшую из земных поэм — поэму его рождения» [2].

В годы эмиграции позиция Бунина практически не изменилась: он дорожит «своим» и еще решительней не приемлет в нем «чужого». Его публицистика, начиная с «Окаянных дней» и до конца жизни, пронизана острым чувством боли за поругание всего, что он считал «своим», за попрание обычаев и традиций, разрушение отечественных культурных ценностей, за гибель Дома-России. Звучащий голос писателя становится резким, язвительным, срывается на крик, полный гнева. В «Окаянных днях», к примеру,

он так свидетельствует о последствиях революции: «Я в Петербурге почувствовал это особенно живо: в тысячелетнем и огромном доме нашем случилась великая смерть, и дом был теперь растворен, раскрыт настежь и полон несметной праздной толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев» [3]. Вместе с тем, как и раньше, автор не изменяет своей точке зрения, она последовательна и ясна.

Почерк Бунина-публициста узнавали, ибо круг проблем, поднимаемый им именно как публицистом, был постоянным, жизненно необходимым, касался каждого русского беженца и очерчивался вопросами культуры, литературы, истории России. В тех случаях, когда речь шла о чем-то другом, писатель никогда не упускал возможности перекинуть «мостик» в сторону прежней или современной России. К примеру, статья «Босоножка», посвященная Айседоре Дункан, заканчивается упоминанием о ее русском муже, трагически завершившем свое земное существование и о самом браке, «достаточно памятном всякому: сплошное пьянство, сплошная драка» [4].

Манера письма Бунина отличается высокой степенью эмоциональности, точностью слова, образной емкостью, глубиной наполнения каждой фразы. На протяжении всего зарубежного периода писатель с неприязнью будет говорить о большевиках, упрекая их в незнании русского народа, а советскую литературу в целом и отдельных ее деятелей всегда будет отлучать от традиций отечественной классики. В статье «Самородки» он отказывается признать Есенина национальным поэтом, т.е. «своим», так как для Бунина все советское — «чужое».

Вместе с тем в годы эмиграции мастер слова сохранял подлинный пиетет к «иному», прежде всего, культурному наследию. Известно, что до конца дней художник переводил зарубежных авторов, в публицистике много размышлял над их судьбами (см.: «Андре Шенье», «Джером Джером», «Конец Мопассана», «Камилл Демюлен»). Бунин преклонялся перед подлинными талантами: из англичан любил Байрона, Теннисона; из французов — Альфреда де Мюссе, Леконта де Лиля, восторгался итальянцем Петраркой, поляком Мицкевичем. Другими словами, настоящее, подлинное, исконное — все, что свойственно тому или иному народу, художнику, вне зависимости от национальной принадлежности, не вызывало у писателя неприятия или отторжения. Здесь Бунин

по-настоящему толерантен. Но в русском искусстве, культуре, общественных отношениях, идейных установках он не приемлет бездумного перенесения «чужого» на родную почву, уничтожения «своего» ради чужих мнимых ценностей. Даже если «чужое» прорастает и захватывает какие-либо области жизни, особенно идейную, мировоззренческую, творческую, оно неизменно вызывает протест Бунина. В этих случаях его публицистика приобретает обличительный тон, подчас саркастическое звучание. В статье «Инония и Китеж» он пишет: «Теперь дело обстоит много, много хуже. Теперь в стихах пролетарских хвастунов даже заборы растут и за этими “заборами низкорослыми” молитвы совершаются на единственном языке, известном российским поэтам,— то есть на матерном (“Богу молюсь матерщиной”). Теперь революция в поэзии выродилась, как в жизни, в большевизм и, достигая своего апогея, притязает, как и большевизм, на монопольный руссизм и даже на мессианство» [4, с. 171].

Позицию писателя принимали не все. И в России, и за рубежом к ней относились неоднозначно. Были сторонники, особенно в первые годы жизни на чужбине, но больше было оппонентов. Но даже в одиночестве Бунин сохранял верность своим принципам, и это в любом случае делает ему честь, побуждает потомков прислушаться к мнению великого соотечественника. Оно тем более актуально в наши дни, когда все чаще ученые говорят о «повсеместном и всеобщем кризисе национальной идентичности» в условиях «нарастающих и весьма противоречивых процессов глобализации» [7]. Современные исследователи отмечают: «массовая культура глобализации... оказалась сильнее культурных ядер национальной идентичности, которые в условиях глобализации сохранились в значительной степени лишь как культуры фольклорные... Глобализация перемолола культурные ядра национальных идентичностей, сделав граждан этих стран «гражданами мира» [7, с. 23].

Проблема национальной самоидентификации в настоящее время ставится как судьбоносная, фатальная, «охватывающая практически все государства и народы мира» [7, с. 21]. Россия не исключение из этого ряда. Ученые все настойчивее поднимают вопрос о необходимости для России «национальной сверхзадачи», «национальной идеи». Новую российскую идентичность предлагают строить на основе «определенной преемственно-

сти в культуре» [6]. Как видно, мы вновь возвращаемся на круги своя. Может, стоит в этой связи вспомнить публицистический опыт Бунина и научиться прислушиваться к мнению классиков, извлекать уроки из истории и не совершать прежних ошибок? Тогда, вероятно, не потребуется «историческое мифотворчество как инструмент для конструирования национальной идентичности» [9].

Что же касается вопроса диалога культур, то и здесь может пригодиться русский писатель Иван Бунин, а также опыт «белой» эмиграции, которая, попав в условия «иной» страны, сохраняла свои традиции, свой язык, свою литературу и не стремилась к ассимиляции, понимая, что она означает не столько смену гражданства, сколько потерю, хоть и весьма тонкой, но связующей нити с родной землей, «своей» почвой. Поэтому отношения с культурами стран, приютивших русских беженцев, строились по принципу взаимного обогащения, конструктивного диалога с сохранением каждой стороной своего «культурного ядра».

Литература

1. Бунин, И. А. Собр. соч. В 9 т. / И. А. Бунин — Т. 9.— М., 1965–1967.
2. Бунин, И. А. Собр. соч. В 9 т./ И. А. Бунин — Т. 3.— М., 1966–1967.— С. 407.
3. Бунин, И. А. Окаянные дни / И. А. Бунин — Тула, 1992.— С. 67.
4. Бунин, И. А. Публицистика 1918–1953 годов / И. А. Бунин — М., 1998.— С. 409.
5. Грузинский, А. Е. И. А. Бунин / А. Е. Грузинский // Вестник воспитания — 1912.— № 8.— С. 109.
6. Иванов, В. Н. Влияние глобализационных процессов на национальную идентичность / В. Н. Иванов // Фундаментальные исследования.— 2014.— № 8.
7. Картунов, С. В. Национальная идентичность. Постигание смысла / С. В. Картунов — М., 2009.
8. Пушешников, Н. Записи / Н. Пушешников // Государственный музей Тургенева.— Ф. 14, тет. 4. Инв. № 7456/4 оф.— С. 119.
9. Томайчук, Л. В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси / Л. В. Томайчук // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana).— Вып. 3.— 2012.